

АФРИКАНСКАЯ ТЕМА В ПОЭЗИИ ТОМАСА ЧАТТЕРТОНА: ПРОБЛЕМА ПРЕДРОМАНТИЧЕСКОГО «ЭКЗОТИЗМА»

© 2012 И.В.Вершинин

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

Статья поступила в редакцию 17.12.2011

Автор статьи анализирует африканские мотивы в творчестве известного английского поэта-предромантика – Томаса Чаттертона. Как показало исследование, ориентализм и экзотизм предромантиков предвосхищают трактовку данной темы у художников-романтиков.

Ключевые слова: африканские мотивы, Томас Чаттертон, предромантизм, романтизм, ориентализм, экзотизм, английская литература второй половины XVIII века.

Тяга предромантиков к таинственному, чудесному, необычному, их стремление выйти за рамки буржуазной действительности проявились не только в обращении к преданиям и народным суевериям средневековья и в целом к его культуре, но и в обращении писателей и поэтов этого периода к восточной, экзотической теме, которая заняла далеко не последнее место в их творчестве. Эту тему мы встречаем и в поэзии Томаса Чаттертона. В истории английской литературы трудно найти художника, в чьем творчестве так причудливо сочетались бы столь различные эпохи, стили, жанры, герои, как в творчестве Чаттертона. За свою необычайно короткую жизнь он создал галерею чрезвычайно разнообразных образов¹.

Представляется интересным вопрос о том, почему поэт обратился не к ориентальной, а к африканской теме в своих эклогах. Никто из исследователей его творчества не пытался ответить на этот вопрос, да и, собственно, сами «Африканские эклоги» не были предметом литературоведческого анализа, хотя их художественные достоинства ставят их на одно из видных мест не только в творческом наследии Чаттертона, но и во всей английской поэзии XVIII века. Не случайно поэт в письме к Томасу Кери писал: «...эти произведения («Африканские эклоги». – И.В.) я могу с чувством тщеславия назвать Поэзией»².

Живя в портовом английском городе Бристоле, Чаттертон с раннего детства мог наблюдать черных рабов, привезенных из далекой

Африки. Общеизвестно, что в 70-х годах в Англии особо остро дебатировался закон о работорговле. На родине поэта в это время насчитывалось около десяти тысяч невольников, а объявления об их продаже были обычным явлением³.

С раннего детства познавший нужду, лишения и унижения, Чаттертон не мог не поднять свой голос против одной из самых жестоких и унижительных форм попирания человеческого достоинства. Таковы, на наш взгляд, социально-исторические предпосылки африканской темы в поэзии Чаттертона.

Что же касается предпосылок собственно литературно-художественных и эстетических, то, думается, буйная природа Африки, низкая ступень цивилизации, практически полное незнание простыми англичанами этого континента открывали большие возможности для поэтической фантазии, позволяли показать силу и величие «естественного человека», не подчиняющего свои действия холодному рассудку и общественной морали, но действующего импульсивно, согласно велениям своих чувств и страстей, основываясь на понимании добра и зла в их первоначальном (не искаженном общественными условностями) значении.

Наиболее ярко антирабовладельческая тема проявилась в первой эклоге Чаттертона «Хеккар и Гера» («Heccar and Gaira»). Герой этого произведения – Гера, вождь воинственного племени. Он призывает своего товарища неустрашимого Хеккара помочь свершить святую месть и рассказывает ему свою страшную историю.

Однажды Гера вступил в единоборство с могучим тигром. Схватка была долгой и тяжелой, но человек победил свирепого зверя. Когда же Гера вернулся к тому месту, где он расстался со своей женой Кавной и детьми, то

⁰ Вершинин Игорь Владимирович, доктор филологических наук, профессор, ректор.

E-mail: rectorat@pgsga.ru

¹ Вершинин И.В. Предромантическая эстетика и творчество Томаса Чаттертона // Литературная теория и художественное творчество: Сб. науч. трудов. – М.: 1979. – С.47 – 49.

² Chatterton T. The Works: V. 1 – 3. N. Y., 1969 (Reprinted from the edition of 1803, London). – С.641.

³ Plumb J.H. England in the Eighteenth Century. The Pelican History of England. London, 1978. – С.159.

обнаружил, что в его отсутствие они были угнаны в рабство:

*In the deep Vailey and the mossy Plain
I sought my Cawna but I sought in vain
The palid shadows of the Azure Waves
Had made my Cawna and my Children slaves*

Напрасно помчался воин вдогонку – работорговцы уже отплыли, и Гера едва различал в толпе рабов свою Кавну, скованную «ненавистной цепью»:

*The Dusk slow vanish'd from the hated Lawn,
I gain'd a Mountain glaring with the Dawn.
There the full Sails expanded to the Wind
Struck Horror and Distraction in my Mind.
There Cawna mingled with a worthless train
In common slav'ry drags the hated Chain.*

Потрясенный горем, Гера не жалуется на судьбу, он не рассуждает о жестокости белых людей, лишивших его семьи. Все это выражено в эклоге имплицитно. Суровый воин, он сжимает крепче свое копьё, которое всегда разило его врагов, и клянётся жестоко мстить своим обидчикам:

*In ever reeking blood this Javlin dy'd
With Vengeance shall be never satisfied.
I'll strew the Beaches with the mighty dead
And tinge the Lilly of their Features red.*

Вторая африканская эклога Чаттертона – «Нарва и Моред» («Narva and Mored»). Это лирическое повествование о трагической любви юноши и девушки. Оно открывается описанием ритуального танца молодых воинов, и в самом ритме стиха слышится, как «стучат их копьё о вогнутые щиты». Вся эта эклога, особенно ее первая часть, окутана тайной. Даже движения танцующих непонятны и загадочны:

*High from the ground the youthful warriors sprung,
Loud on the concave shell the lances rung:
In all the mystic mazes of the dance,
The youths of Banny's burning sands advance.*

Мистична фигура жрицы «трехликого идола» (triple idol) бога Чалмы, которая руководит танцем. «Как осенние листья, кружатся в танце» воины в тени «мистических деревьев»:

*Three times the virgin swimming on the breeze,
Danc'd in the shadow of mystic trees: (...)
The flying terrors of the war advance,
And round the sacred oak repeat the dance.
Furious they twist around the gloomy trees,
Like leaves la autumn twirling with the breeze.*

Но вот таинственный ритуал закончен, его участники собираются, чтобы выслушать «священное сказание» жрицы:

*Like the lond eddies of Toddida's sea,
The warriors circle the mysterious tree:
Till spent with exercise, they spread around,
Upon the op'ning blossoms of the round.*

*The priestess rising, sing the sacred tale,
And the loud chorus echos thro' the dale.*

Жрица рассказывает о том, как суровый и всемогущий бог Чалма посулил бессмертие юноше Нарве и красавице Моред при условии, что они будут «служить только божественному трону». Но однажды Нарва встретил Моред, и они полюбили друг друга. Плененный красотой девушки, юноша «забыл о своих священных одеждах и о своем мистическом жребии». Но их предназначение отрицало земную любовь. Тогда, взявшись за руки, они бросились в пропасть:

*Existence was a torment: O my breast!
Can I find accents to unfold the rest!
Lock'd in each other arms, from Hyga's cave,
They plung'd relentless to a watry grave;
And falling murmur'd to the pow'rs above,
Gods! take our lives unless we live to love.*

Третья и последняя африканская эклога Чаттертона – «Смерть Нику» («The Death of Nicou»). Это фантастическая картина войны африканских богов. Но эта война не имеет ничего общего с войной богов античных. Эклога начинается описанием реки Тибр, которая сначала медленно, а потом все быстрее несет свои воды по извилистому руслу. Шум реки, смена ритма ее движения напоминают боевую песнь:

*On Tiber's banks, Tiber, whose waters glide
In slow meanders down to Gaigra's side;
And circling all the horrid mountain round,
Rushes impetuous to the deep profound;
Rolls o'er the ragged rocks with hideous yell;
Collects its waves beneath the earth's vast shell:
There for a while, in loud confusion hurl'd,
It crumbles mountains down and shakes the world.*

И грозный рев волн, и багровый восход солнца – все предвещает события необычные и трагические:

*The sun, which shall illumine all the earth,
Now, now is rising in a mortal birth.*

Герой эклоги – Нику, сын грозного бога войны Нарады. Некогда Нарада презрел власть всемогущего бога небес Вичона и вызвал его на смертный бой. Жестокая схватка произошла между богами. Вичон обрушил стрелы молний, поднял до небес волны и затопил землю, но Нарада спасся на «священном дереве», а затем убил Вичона. Теперь Нику ведет на битву своих черных воинов против Рореста. Бесстрашный Нику, отражающий удары молний своим щитом, который достался ему от Нарады, идет в бой печальным и задумчивым. Ему предстоит сразиться с Рорестом, другом детства.

Боги давно задумали расстроить их дружбу и выбрали для этой цели Виката, сына Вичо-

на, убитого некогда Нарадой, отцом Нику. Викат – воплощение коварства и хитрости. Он устраивает так, что ослепленный страстью Рорест, забыв о дружбе и чести, похищает сестру своего друга, которая на чужбине «иссохла от печали и увяла, как цветок». И теперь Нику ведет свое войско, чтобы отомстить за сестру. В смертельной схватке он побеждает Рореста, тела убитых воинов покрывают поле. Битва закончилась, Нику отомстил за свое бесчестье и за смерть сестры, но остался один. Печальный Нику (*pensive Nicou*) пронзает свое сердце еще дымящейся от крови Рореста стрелой и умирает на руках скорбящего слуги:

*The battle ended, with his reeking dart,
The pensive Nicou pierc'd his beating heart:
And to his mourning valiant warriors cry'd,
I and my sister's ghost are satisfy'd.*

Как видно из этого произведения, Чаттертон вовсе не стремится преподать читателю какой-либо урок или вывести мораль, как это было в просветительской литературе и, в частности, в «Ориентальных эклогах» Коллинза. Эта эклога Чаттертона, как и две другие, заканчивается трагически. Более того, в конечном счете смерть Нику оказывается бессмысленной, если рассматривать ситуацию с позиций просветительского идеала. Ведь подлинный виновник злодей Викат не только не наказан, но и вышел победителем, так как сумел осуществить свой преступный замысел. В этом, по нашему мнению, проявляется связь Чаттертона с «готической литературой». Нику расплачивается за поступки своего отца. Он мстит Роресту, а на самом деле сам оказывается объектом мести Виката, который мстит за смерть своего отца. Так замыкается этот своеобразный круг мести. Подобная пессимистическая концепция мира весьма характерна для английской литературы предромантизма; она явилась объективным отражением глубоких социально-исторических перемен, происшедших в Англии во второй половине XVIII века.

Особое значение в эклогах Чаттертона приобретает изображение экзотической природы. Если в эклогах Коллинза природа служила условно-декоративным фоном, то у Чаттертона становится участником действия. Человек показан неотъемлемой частью этой природы, ее порождением. Особенно наглядно эта связь проявляется тогда, когда поэт при характеристике внешних качеств своих героев сравнивает их с явлениями окружающего мира. Так, например, выглядит портрет Кавны:

*Cawna the Pride of Afric's sultry Vales
Soft, as the cooling Murmur of the Gales
Majestic as the many color'd Snake
Trailing his Glorys thro' the blossom'd brake.*
(«Heccar and Gaira»)

А вот что сказано о Нарве:
*Tall, as the house of Chalma's dark retreat;
Compact and firm, as Rhadal Ynca's fleet.*
(«Narva and Mored»)

Но не только внешние, физические свойства людей уподобляются окружающему их миру, но и черты их характера, их чувства и страсти:
*Strong were the passions of the son of Nair,
Strong, as the tempest of the evening air,
Insatiate in desire; fierce as the boar;
Firm in resolve, as Cannie's rocky shore.*
(«The Death of Nicou»)

Идея неразрывной генетической связи человека и природы не случайна. Она является отражением новых эстетических установок литературы предромантизма, противопоставленных классицистическому, просветительскому идеалу, который характеризуется универсальностью, лишаящей человека его конкретной исторической и географической определенности. Просветительский герой является носителем общих черт и качеств, которые должны быть (или, наоборот, не быть) у человека, что вытекает из стремления просветителей улучшить «человеческую природу» при воздействии на разум. Предромантикам такой оптимизм не свойственен. Их больше интересует человек конкретный, закрепленный за определенной эпохой (чаще всего – прошедшей).

Стремление художников предромантизма к известному детерминизму проявляется не только в «средневековых» сочинениях, но и в ориентальных или экзотических. Как мы уже неоднократно подчеркивали, освоение национального средневековья, как и экзотических стран, носит у них эстетический характер.

Чаттертон не стремится к точному, правдоподобному показу Африки. Скорее наоборот. Силой творческой фантазии он создает «поэтический африканский мир». Однако не противоречит ли это нашему утверждению о стремлении к детерминизму и конкретности? Думается, что нет, ибо данная тенденция начинает проявляться именно в этом поэтическом мире, строго ограниченном как временными, так и пространственными (географическими) рамками. Не случайно поэт постоянно уточняет, где и когда происходит то или иное действие:

*Heccar the Chief of Jarra's fruitful Hill
Where the dark Vapors nightly dews distil
Saw Gaira the Companion of his Soul
Extended where loud Gaigra's Billows roll.*
(«Heccar and Gaira»)

Можно привести аналогичный пример и из эклоги «Нарва и Мored»:

*Where the soft Togla creeps along the meads,
Thro' scented Calamus and fragrant reeds;*

*Where the sweet Zinsa spreads its matted bed,
Liv'd the still sweeter flow'r, the yung Mored.*

Другим важнейшим аспектом предромантической трактовки экзотического является создание атмосферы таинственного, необычного, фантастического, то есть всего того, что выходит за рамки привычного, обыденного и не может быть постигнуто разумом.

Мы уже отмечали, что категория чудесного стала важнейшим понятием предромантической эстетики и была заимствована позднее романтиками. Именно на этой основе писатели и поэты второй половины XVIII века обращаются к средневековью, к Востоку, к Африке. Крупнейший теоретик английского предромантизма Херд писал, полемизируя с просветительской критикой: «Критики заявляют, что поэт должен подражать природе; а под природой, по видимому, может иметься в виду только известный и испытанный ход вещей в этом мире. У поэта же есть собственный мир, в котором опыт менее важен, чем всеохватное воображение. И, кроме того, у него есть мир сверхъестественного, где все просторы ему открыты. (...) И оттого в мире поэта все чудесно и необычайно – но в каком-то смысле не противостоит естественности, ибо представление, которое можно легко составить о волшебных и чудотворных свойствах Природы, вполне согласуется с содержанием этого мира»⁴.

В данном отношении наиболее показательны у Чаттертона вторая и третья эклоги. В эклоге «Нарва и Моред» особую поэтическую тональность произведению придает лейтмотив «мистического дерева» и таинственного обрядового танца, которые как бы подготавливают читателя к событиям необычным. Чаттертону одному из первых среди английских поэтов XVIII удалось создать подлинно экзотический поэтический мир, в котором все необычно, все не похоже на современную Англию: необычна природа, необычны звери, необычны не только отношения людей и природы, но и отношения между самими людьми. Суровых воинов Хеккара и Геру («Хеккар и Гера») связывает не только взаимопомощь и выручка в борьбе с жестокими ударами судьбы. Чаттертон показывает их духовное родство: «Heccar (...) Saw Gaira the Companion of his Soul». С какой простотой (может быть даже наивностью) выражена в одном стихе целая гамма чувств, сближающих двух людей! Едва ли найдешь что-нибудь подобное в английской поэзии XVIII века. Третья эклога Чаттертона, «Смерть Нику», целиком фантастична. Дейст-

вие переносится с земли на небо, да и сама грань между небом и землей стирается:

*See in the gilding of her wat'ry robe,
The quick declension of the circling globe;
From the blue sea a chain of mountains rise,
Blended at once with water and with skies...*

Стилистическая организация стиха Чаттертона подчинена задаче создания атмосферы необычного: обилие экзотических звучных имен и названий, широкое употребление анафоры на различных уровнях (звуковом, лексическом, строфическом), яркие цветовые эпитеты и т.д.

Поражает исследователя и мастерство инструментовки. Так, завершающий стих эклоги «Нарва и Моред» построен по принципу «эха», отражающего его семантическую наполненность: слово «lives» в первом полустихье подхвачено после цезуры в форме «live» (почти омоним), а затем в ассонансной форме «love»: «Gods! take our lives unless we live to love». Сочетание [i] с различными гласными воспроизводит предсмертный стон возлюбленных, протяжный, подхваченный эхо и, наконец, затихающий.

Необходимо отметить еще одну важную черту ориентализма и экзотизма, которая появляется только в литературе предромантизма, вернее, следствие обращения к этой теме и ее художественного освоения в литературе. Имеется в виду изменение жанровой структуры произведений. В просветительской литературе тема могла быть введена в рамки уже существующих жанров, как это было, например, у Коллинза и Голдсмита, либо в рамки жанров, стилизованных под восточные (сказка чаще всего) или перенесенных на английскую почву из восточной литературы. Новое осмысление ориентальной и экзотической темы в свете предромантического идеала, когда она получила собственно эстетическую нагрузку, оказавшись конечным (а не промежуточным, как это было у просветителей) объектом художественного осмысления, повлекло разрушение старой формы, которая была уже не адекватна новому содержанию. Так появился уникальный жанр ориентального романа Бекфорда. То же мы наблюдаем и в поэзии.

«Африканские эклоги» Чаттертона не имеют почти ничего общего с жанром пасторально-буколической поэзии. Если в первом сочинении этого цикла поэт еще формально сохраняет некоторые жанровые признаки эклоги, то два последних коренным образом отличаются от классических образцов жанра. Лиро-эпический характер повествования, фантастичность и сказочность, драматизм и напряженность этих сочинений скорее приближают их к жанру

⁴ Hurd R. Letters on Chivalry and Romance. The Second Edition. London, 1762. – С.93.

баллады, интерес к которой резко возрос во второй половине XVIII века, особенно после выхода «Памятников старинной английской поэзии» Перси.

Таким образом, ориентализм и экзотизм как значительная и самостоятельная тема в английской литературе утвердились во второй

половине XVIII столетия и тесно связаны с эстетикой и художественной практикой пре-романтиков. Ориентализм и экзотизм пре-романтиков не только предшествуют, но и во многих чертах предвосхищают тему и ее трактовку у художников романтизма, где она заняла одно из видных мест.

AFRICAN MOTIFS IN T.CHATTERNON'S POETRY: PROBLEM OF PRE-ROMANTIC EXOTICISM

© 2012 I.V.Vershinin^o

Samara State Academy of Social Sciences and Humanities

The author of the present paper focuses his attention on the African motifs in the works by T.Chatternon, the famous English XVIII-th century pre-romantic writer. As the research shows, oriental and exotic motifs of pre-romantic writers anticipate the interpretation of the above motifs in romanticism.

Key words: African motifs, Thomas Chatterton, pre-romanticism, romanticism, oriental and exotic motifs, XVIII-th century English literature.

^o Igor Vladimirovich Vershinin, D. Sc. in Philology, Professor,
Rector. E-mail: rectorat@pqsqa.ru